

Много-много лет назад (уж и не помню, к сожалению, по какому поводу) услышала я историю, которую не забывала никогда. Повела мне ее жена известного литературоведа Валерия Кирпотина. Речь шла о письме к нему Александра Александровича Фадеева — крупного советского писателя и общественного деятеля. Прочитав письмо, Кирпотин якобы сказал жене: «Фадеев готовится к смерти». Дней через десять Фадеев застрелился.

УХОД Фадеева из жизни вызвал разные толки. Официальная версия была такой: писатель покончил с собой в состоянии алкогольной депрессии. Но зачем тогда он как бы предупреждал о том заранее Кирпотина и, как мне теперь известно, не одного его? Что же произошло с Фадеевым? Почему он сам вынес себе приговор? И сейчас, спустя десятилетия, многих волнует эта трагедия...

Ответов пока нет ни в одном документе, они рассеяны по свидетельствам его современников — собратьев по профессии.

Так, писатель Владимир Тендряков в рассказе «Охота» восстановил вроде бы незначительный эпизод, как Фадеев впервые публично подчинился Сталину, протянув по его настоянию руку своему врагу, за что тут же услышал от вождя упрек в безволии. А когда пришло время массовых репрессий, он вновь не нашел в себе сил противиться воле «вождя», уже вынужден был мириться с уничтожением, видимо, людей, среди которых оказались и его близкие друзья. По воспоминаниям К. Зелинского, Сталин, которому нравилось «сбивать фасон» с Фадеева, упрекал его в том, что тот окружил себя шпионами. К ним он причислял Павленко, Эренбурга, Алексея Толстого... И Берия не упускал случая напомнить о том же писателю. Однажды Фадеев не выдержал, возмутился: «Довольно я видел этих дел. Вы мне их присылаете. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа».

Это случилось на даче у Бе-

рии. Они поссорились, и Фадеев ушел с дачи в ночь. Шел лесом, один, и вдруг услышал за собой звук едущей вдогонку машины. Он едва успел отскочить с дороги и спрятаться. Кто знает, не поступи он так, может, быть бы ему под колесами «газика», а на завтра появилось бы сообщение, что писатель, будучи в нетрез-

Взгляд сквозь годы

ПОКАЯНИЕ

Несколько историй, предшествовавших самоубийству Александра Фадеева

вом виде, угодил под машину... «Он вошел в этот сложный мир, где все было запутано и извращено Сталиным, — пишет хорошо знавший Фадеева Корнелий Зелинский. — Фадеев не мог даже посмечь открыто выразить свое несогласие со Сталиным в чем-либо, хотя и стремился всегда держаться с достоинством. Но его сбивали ударами железного кулака, совали носом в бериевскую грязь, стремились как можно больше замазать этой грязью».

Не смог Фадеев воспротивиться и волне гонений, прокатившейся по рядам советской интеллигенции в 1948 году. Тендряков показывает механизм этого идеологического погрома. «Под крики толпы: «Позор! Позор!» неподкупный трибунал в главе с Фадеевым расправлялся с невинными жертвами, и в том числе с его верным другом, которому он потом, наедине, признался: «Мы не люди... Мы сол-

даты, по трупам которых идут к победе»... «Да, в славе, да, в почете! А все равно жду, жду... огня над собой. Знаю: придет и мой черед. Даже чувствую — он близок».

Совесть ли, этот внутренний пророк, уже начала определять ему его черед или страх перед будущим?

Один из попавших год спустя в западню — писатель Александр Борщаговский. Немало страниц посвятил он Фадееву в своей документальной повести «Записки баловня судьбы».

«Если бы он (Фадеев. — Ж. М.)

И в прессе появились сообщения, что Фадеев работает над романом «Черная металлургия». Были даже напечатаны главы из будущего произведения.

Те, кто читал «Новое назначение» Александра Бека, заметили, насколько портрет одного из персонажей романа писателя Пыжова точно совпадает с литературными портретами Александра Александровича Фадеева. Сомневаться не приходится: Пыжов — это Фадеев. Это он высоко, красиво нес свою седую голову. Это у него были широко развернутые плечи, шкиперское

лицо и залистый смех. К тому же Пыжов тоже задумал роман о металлургах: «Писателю не терпелось первенствовать, вести за собой все художественные таланты Советской страны», и это для него означало «с блеском, с воинственной убежденностью отстаивать, разъяснять точку зрения партии, или, что считалось этому тождественным, требования, оценки Сталина».

Вспомним эту ситуацию: с подзаказки Сталина Пыжову подсунили документ об изобретении инженера Лесных, которое, по мнению вождя, произведет переворот в металлургии. Но консерваторы не хотят признавать этот революционный способ получения стали и предсказывают провал. Начинается борьба прогрессиста с ретроградами. Писатель ею «мгновенно зажегся». Но умирает Хозяин — главный защитник Лесных. Полной очевидностью становится, что Лес-

ных — авантюрист. Его изобретение безграмотно. Рухнула и идея романа Пыжова. Ничего не получилось с романом и у Фадеева, который (по Тендрякову) «все еще жил надсадной надеждой, что наткнется на что-то такое, откроет сокровенное, удивит мир силой своего таланта».

Но вместо этого Александр Фадеев говорил, по признанию одного из писателей, «не то, что чувствует, а то, что от него ждут, поступает не так, как считает нужным, — приспособляется. Не хозяин положения, не хозяин себе»...

Какими страшными были последние годы жизни Фадеева, можно себе представить из очерка уже упоминавшегося критика Корнелия Зелинского «В июне 1954». Все труднее и труднее Фадееву покидать «пещеру», где, единственно, он может отгородиться от всех, уйти от себя. За неделю до смерти он сказал: «Мы, Корнелий, сейчас все в дерьме... Никто сейчас, после того, что произошло, настоящему писать не сможет... никто из людей нашего поколения». А окружающие недоумевали: «Что делается с этим человеком? Что-то его гложет...»

Александр Фадеев ушел из жизни. Но остались его письма. И среди них предсмертное — в ЦК. Последнее, как пишет Тендряков, один из «товарищей в штатском» поднял со столика, где оно лежало рядом с наганом, вслух прочитал на конверте: «В ЦК КПСС», — и опустил в карман. А было это, заметим, при свидетелях. Никто, однако, этого письма больше не видел, что в нем — миру неизвестно. До сих пор. Может, уничтожено, может, потеряно в архивных аналах... Между тем за строками его стоит человеческая жизнь, память о ней, оскверненная в угоду системе. Предсмертное письмо Фадеева должно быть найдено (если оно цело) и опубликовано. По утверждению одного из его последних адресатов, на смерть Фадеева толкнуло такое безоглядное отчаяние, что писателя ничего уже не волновало, кроме правды...

Ж. МЕЛЬНИКОВА

Присл. - 1989. - 31 окт